

И.В. Нам

«НОВЫЕ» ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ (ДИАСПОРЫ) В г. ТОМСКЕ

Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Предметом анализа являются «новые» этнические группы (диаспоры) Томска, возникшие как результат современных миграционных процессов. Одной из выбираемых мигрантами стратегий выстраивания отношений с принимающим обществом и взаимной хозяйственной/экономической и социокультурной адаптацией является диаспорализация. В центре исследования – национально-культурная автономия как признанный властью институт диаспоры. Рассматривается роль национально-культурных автономий в адаптации и интеграции «новых» мигрантов в принимающем социуме.

Ключевые слова: мигранты; диаспора; этническая идентичность; институционализация этничности; национально-культурная автономия.

Последние десятилетия XX и начало XXI столетий отмечены актуализацией этнической идентичности, во многом вызванной возрастающей миграционной активностью населения. Стремительный рост трансграничных миграций, следствием которых стало формирование иммигрантских общин и их институционализация, заставили говорить о «диаспоризации мира» как об одной из ведущих тенденций развития человечества. Россия также испытывает мощное миграционное давление, которое сопровождается изменением этнической структуры миграционных потоков, основную часть которого составляют трудящиеся (трудоустроенные) мигранты. Их взаимодействие с российским обществом – проблема, требующая постоянного наблюдения, мониторинга и анализа.

За счет притока мигрантов в общественном пространстве появляются «новые» этнические группы, радикально увеличивается численность многих «старых» групп, меняется их облик. С появлением этих групп (именно в качестве групп) происходят ментальные изменения во взгляде на социальную реальность, которые Р. Брубейкер назвал «группизмом» [1]: этнические группы по умолчанию рассматриваются как некие целостности, имеющие внутреннюю структуру, выступающие как агенты социального действия и отделенные устойчивыми социальными границами от других таких же целостностей [2. С. 204]. «И новые мигранты, и старожилы-сибиряки, приписанные советской властью к той или иной этнической группе и в той или иной степени ощущающие свою связь с нею, начинают чувствовать себя группой, в некоторых ситуациях вести себя как члены группы, формируют сеть связей и отношений на этнической основе» [3. С. 98]. Этот процесс лежит в основе формирования феномена «новых» диаспор. При его изучении перспективным представляется неoinституционалистский подход, основанный на представлении о том, что институты не столько ограничивают пространство действия для группы, сколько создают саму группу с ее идентичностью, интересами и

прочими атрибутами. При этом группу целесообразно рассматривать не как совокупность людей, а как структуру отношений, объединяемых идеей разделения общества на группы и представлениями о смыслах этого деления [2. С. 204].

И властью, и обществом миграционные проблемы рассматриваются преимущественно в этнических категориях и терминах. Сказывается стихийно примордиалистское понимание чиновниками феномена этничности, сложившееся в советское время¹. Властные структуры прибегают к категоризации мигрантов в терминах этничности, поскольку включение мигрантов в привычный и удобный для восприятия контекст позволяет им выстраивать «понятные» практики контроля и управления. Этничность становится «удобной организационной формой консолидации» и для самих мигрантов, предоставляя этническим активистам «удобный, понятный и разделяемый всеми членами общины культурный материал», позволяющий конструировать групповые границы [4. С. 469]. Происходящая сегодня этнизация феномена миграции – прямое следствие этноцентричного дискурса, при котором базисной категорией теоретического упорядочивания социальной реальности выступает «этнос», понимаемый в эссенциалистском (примордиалистском) смысле. Этноцентричный дискурс влечет за собой сведение социальных различий к этническим, а социального взаимодействия – к взаимодействию между этническими (этноконфессиональными и этнокультурными) группами. При таком подходе миграционный приток населения, «этнически отличного от основного населения принимающего общества», воспринимается «не иначе, как в терминах угрозы» [5].

Все это влечет за собой политизацию этничности. Связь этничности и политики выражается в тесном переплетении национального и этнического в публичном дискурсе. При этом первое связано с государственно-стью и социальными отношениями, а второе – с категоризациями, основанными на признаках культуры, языка,

представлениями об общности происхождения [2. С. 203]. Значение этничности как политического фактора определяется тем, «как этничность институционализована, а институционализация этничности, в свою очередь, определяется множеством агентов (общественными движениями, государственными структурами, экспертными сообществами и пр.), принимает разные формы и имеет разные последствия» [Там же. С. 204].

«Новые» этнические группы (диаспоры) Томска, возникшие как результат современных миграционных процессов, выбраны в качестве объекта исследования в силу следующих оснований. Томская область – исторически сложившийся переселенческий регион, куда и сегодня приезжают мигранты, в особенности из государств Центральной Азии, Кавказа и Китая, и где достаточно широко используется труд трудовых мигрантов (гастарбайтеров). Кроме того, Томск, как крупный образовательный центр, принимает ежегодно большое количество «учебных» мигрантов, приезжающих для получения высшего и специального среднего образования. Социальные и культурные процессы, происходящие в рамках «новых» диаспор Томска, механизмы формирования и репрезентации их групповой идентичности могут рассматриваться как модельные для современного сибирского города.

Эмпирическую основу статьи составляют материалы исследований, проведенных в 2011–2014 гг. с целью изучения проблем, связанных с адаптацией новых мигрантов в местный социум. Исследования проводились как количественными, так и качественными методами: экспертные интервью с представителями национально-культурных автономий и объединений, областной и городской администраций. Круг экспертов формировался, исходя из следующих критериев: возраст (как правило, это были люди старше 35 лет), образование (среднее, высшее), а также «погруженность» в проблематику изучаемых процессов.

Диаспорализация как стратегия адаптации и интеграции мигрантов. Миграционные процессы, вызванные распадом государств, тесно связаны с образованием этнических диаспор. Одной из выбираемых мигрантами стратегий выстраивания отношений с принимающим обществом и взаимной хозяйственной/экономической и социокультурной адаптации является *диаспорализация* – формирование сообществ «с развитыми и эффективно действующими экономическими и социальными сетями, механизмами взаимной поддержки и кооперации» [6].

Диаспорализация, как правило, происходит двумя путями. Первый путь – диаспорализация старожилов, потомков «старых» мигрантов дореволюционной и советской эпохи. Второй путь – формирование «новых диаспор» из числа «новых» мигрантов. Происходит «радикальный сдвиг» – от простого присутствия представителей пришлых этнических меньшинств «к их структурированию, формированию общин с их институтами, активистами, поиском ниши, выдвижением

коллективных (или от имени коллектива) целей» [3. С. 98–99]. Иными словами, происходит институционализация этничности. Процессы диаспорализации и институционализации этничности теперь не просто признаются властями, но и прямо поддерживаются ими. Создается регулирующая эти процессы законодательная и нормативно-правовая база².

В современном научном и общественном дискурсе термин «диаспора» получил широкое распространение. По словам Р. Брубейкера, этот термин «сделал блестящую карьеру в социологии и гуманитарных науках» [7. С. 6]. Традиционно термином «диаспора» обозначают часть этноса (этнической общности), проживающей вне своей исторической родины, сохраняющей представление о единстве происхождения и стремящейся сохранить свои этнокультурные характеристики и идентичность, отличающие ее от принимающего общества, создавая с этой целью организации (институты) – церковь, школу, различные организации и, как их завершение, органы национального самоуправления и автономии. В бытующей сегодня практике этот термин приобретает все более универсалистский, расширительный смысл. Часто его соотносят со всеми этническими группами, локализованными вне территорий их первоначального расселения («исторических родин», «очагов национального происхождения»). Именно такое понимание термина стало сейчас господствующим, причем настолько, что иногда слово «диаспора» становится просто синонимом национального меньшинства или мигрантского сообщества. Диаспора стала модным, расхожим словом, которое употребляют применительно к этническим группам все, кому не лень: представители властных структур, журналисты, этнические активисты и нередко – эксперты, что дало основания говорить об «экспансии термина в общественную практику современной России» [8], об «увлечении диаспорой» и даже о «диаспоризации всей страны» [9].

Расширение области явлений, описываемых как «диаспора», привело к появлению, наряду с классическим термином, понятия «новой» или «современной» диаспоры [10], формирующейся в результате распада государств и вызванных этим этнических миграций. «Новые диаспоры» становятся значимым объектом и субъектом глобальных и региональных социальных, культурных и политических процессов. «В центре внимания исследователей “новых” диаспор находятся проблемы идентичности и формирования транснациональных пространств, в особенности когда их члены создают разветвленную систему социальных связей с принимающей страной» [11. С. 7–8].

Не вдаваясь в дискуссию о диаспоре, которая ведется специалистами разных направлений (историками, социологами, антропологами, этнологами, политологами), отметим, что в самом общем виде диаспору можно понимать как «особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическую систему формальных и неформальных связей, жизненных стратегий и практик,

основанных на общности исхода с “исторической родины” (или представлениях, исторической памяти и мифах о таком исходе), на усилиях по поддержанию образа жизни “в рассеянии” – в качестве национально-меньшинства в иноэтничном принимающем обществе» [12]. Диаспора – не данность, а «процесс развития от “еще не диаспоры” через “собственно диаспору” к “уже не диаспоре”», причем различных типов...» [13. С. 77–78]. Ее существование (или несуществование), возникновение и исчезновение, может быть ситуативным ответом на вызов времени, места и обстоятельств. Исходя из такого подхода, наличие совокупности лиц одной национальности, живущих вне национального очага, пусть даже многочисленных и укорененных на новой родине, – это еще не диаспора, а только необходимое условие к ее реализации [6].

В отличие от этнической группы, диаспора всегда институционализирована. Диаспоре присуще формирование институтов и организаций, деятельность которых направлена на сохранение этнической идентичности. Диаспоральные институты становятся важным и необходимым элементом адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество. Показательна в этом смысле динамика создания и развития в городах России/Сибири национально-культурных землячеств, обществ, автономий, их внутренняя эволюция.

Национально-культурная автономия как институт диаспоры. Термин «национально-культурная автономия» (НКА) является одним из ключевых понятий современной национальной политики в России. Он присутствует в федеральном и региональном законодательстве, активно используется в этнополитических дебатах. Первым правовым документом на пути признания НКА стал Закон 26 апреля 1990 г. «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР». Само понятие НКА было впервые юридически закреплено в «Основах законодательства о культуре» от 9 октября 1992 г., которыми «гарантировалось» «всем этническим общностям, компактно проживающим вне своих национально-государственных образований или не имеющих своей государственности, право на культурно-национальную автономию», а именно: «право указанных этнических общностей на свободную реализацию своей культурной самобытности посредством создания на основании волеизъявления населения или по инициативе отдельных граждан национальных культурных центров, национальных обществ и землячеств» [14. С. 188].

Эти законодательные акты заложили правовую базу для создания общественных организаций, формирующихся по этническому (национальному) принципу – национально-культурных центров (НКЦ) и обществ. В 1990 г. свои организации в Томске создали немцы (Центр немецкой культуры), татары (культурно-просветительный центр «Туганлык»), украинцы (НКЦ

«Джерело»), башкиры (Центр башкирской культуры «Дуслык»), поляки («Дом польский»), азербайджанцы (НКЦ «Азери»), образовались общества латышской и литовской культуры. В 1991 г. были созданы «Ассоциация советских корейцев» и Общество еврейской культуры, в 1992 г. – Общество чечено-ингушской культуры «Вайнах», в 1993 г. – Союз армян, в 1995 г. – Общество чувашской культуры и Польский национальный центр «Белый Орел». В 1993 г. Центр немецкой культуры получил статус государственного учреждения культуры, переименованного затем в Российско-немецкий Дом. В этом же году татарский центр «Туганлык» был преобразован в государственное учреждение культуры – Областной центр татарской культуры.

Из этого перечня видно, каким активным был процесс национально-культурных организаций (НКО). Вот как об этом рассказывает руководитель НКА корейцев: *«В то время это был постперестроечный период, начало ельцинского правления. У нас же в виде землячеств, студенческих групп объединение было всегда. Люди одной национальности, этнической группы всегда пытаются собраться в одну группу – это желание понятно. Мы, проживая в различной среде (в том числе и в русской), дома общаемся с представителями старшего поколения, они придерживаются определённых традиций, обычаев, которые уже давно сложились в семье. Исходя из этого, понятно, что есть определённое воспитание, которое говорит о том, что эти традиции и обычаи надо как-то соблюдать; это передаётся, наверное, как-то с кровью, по наследству, на генном уровне. Мне кажется, что это и есть определённые посылы людей одной этнической группы. Так и было. Когда мы, первоначальные организаторы, 6–8 человек, дали объявление, мы не ожидали, что такое количество корейцев откликнется на первое учредительное собрание. Когда организация создавалась, тогда появились общие мероприятия. У корейцев есть достаточно интересные традиции, которые четко развиты. В том числе это свадьба, день рождения ребенка (когда ему исполняется 1 год), когда собирается большое количество людей, 150–200 человек. И понятно, что общения становилось всё больше и больше, круги начали расходиться. Это посылы, которые были очень сильно “разогреты” в тот период (начала 1990-х гг.) в обществе, и в целом гражданская активность была очень сильная. ... На самом деле в те годы гражданская активность населения была очень высокая, потому что организовывалось новое государство, ломалось всё».*

К новым возможностям, предоставляемым государственной властью, прибегли в первую очередь представители «старых» этнических групп (национальных меньшинств), остро ощущающие потребность в «возвращении» к своим «корням», к языку, культуре, в восстановлении связей с «родиной предков». Поэтому основная деятельность НКО была направлена на изучение языка, развитие и презентацию своей культуры, на

укрепление связей с исторической родиной. К примеру, азербайджанским центром «Азери» за короткое время были созданы: театральный кружок, ансамбль национальной песни и танца, библиотека, оформлена подписка на газеты и журналы на азербайджанском языке. Наладились контакты с другими НКО, средствами массовой информации, органами власти. Местом, где проходили все мероприятия, был Дом политпросвещения, здесь у центра было свое помещение. Из областного бюджета выделялись деньги на культурные нужды. «Азери» поддерживал тесные контакты с Азербайджанской гражданской ассамблеей в Москве и через нее – с соотечественниками в других городах России и всего постсоветского пространства. Благодаря связям со Славянским центром в Баку томичи получали литературу и прессу на азербайджанском языке, а бакинцы – русскоязычную литературу, газеты и журналы из России [15. С. 50].

Принятие в 1996 г. «Концепции государственной национальной политики» и Федерального закона «О национально-культурной автономии» положило начало новому этапу в процессах диаспорализации и этнизации общественного пространства. Закон описывает НКА двояко: как общественную организацию на этнической основе и как форму национально-культурного самоопределения и самоорганизации. НКА предоставляются права, связанные с этнокультурной сферой деятельности, а именно: с «сохранением самобытности, развитием языка, образования, национальной культуры».

В Томской области первыми к возможностям, предоставленным законом об НКА, обратились немцы и азербайджанцы в октябре 1997 г. НКА немцев в Томске была пятой на тот момент региональной немецкой автономией. Решение о создании НКА лидерами немецкого национального движения не означало прекращения борьбы за полную реабилитацию немцев и не рассматривалось как альтернатива идее восстановления немецкой государственности, это решение было принято с целью использовать новый закон как очередной шаг на пути к решению этих задач [16]. Для азербайджанцев основные ожидания от создания НКА были связаны как с задачами этнокультурного развития, так и, пожалуй даже в большей степени, надеждами на правовую защиту. В число задач включалась адаптация членов общины, особенно недавних выходцев из Азербайджана, к местным условиям. Особое значение придавалось воспитательной работе среди приезжающих в Томск в целях заработка. Заявлялось, что политических целей НКА не преследует и в отношениях с Республикой Азербайджан придерживается нейтралитета [15. С. 51].

О желании создать свои НКА в Томске в это время заявляли чувашы, татары, башкиры и поляки. Однако осуществить право на их создание оказалось непросто из-за многочисленных противоречий и ограничений, заложенных в законодательстве РФ. Трудность представляло, прежде всего, то, что порядок образования

НКА предусматривал ее создание «снизу вверх», от местного до регионального (в субъектах РФ) и далее – федерального уровня. При этом низовые, местные НКА должны были учреждаться представителями общественных объединений. На практике это означало, что для создания НКА на местах должно было быть как минимум два общественных объединения. Между тем в Томской области к этому времени было зарегистрировано около 30 этнически ориентированных организаций, но лишь немцы, евреи и поляки имели по два общественных объединения, а значит, и реальную возможность создать НКА. Это означало также невозможность участия в создании НКА граждан, не входящих в национально-культурные объединения. Вероятно, по этой причине вплоть до ноября 2003 г., когда в Закон об НКА были внесены изменения, упростившие процедуру создания местных автономий, в Томске образовались только две НКА – греков (региональная) и местная (корейцев).

Таким образом, основной процесс создания НКА в регионе пришелся на время с 2004 по 2013 г., когда образовалась последняя автономия – алтайская. В эти же годы возникли и три автономии, объединяющие «новых», «молодых» мигрантов: киргизская (2003 г.), узбекская (2004) и таджикская (2007 г.). В итоге к сентябрю 2015 г. в Томской области действуют 20 зарегистрированных НКА – 5 региональных и 15 местных, из них только 4 не относятся к Томску – НКА чеченцев г. Асино, чеченцев и немцев Томского района и удмуртов Чаинского района. 17 этнических групп – татары, белорусы, поляки, евреи, корейцы, немцы, буряты, чеченцы, греки, киргизы, таджики, узбеки, казахи, грузины, удмурты, цыгане и алтайцы – осуществляют сегодня право на национально-культурную автономию, декларированное российским законодательством. К числу особенностей Томска как университетского города относится образование двух молодежных (студенческих) НКА – бурят и алтайцев. И почти каждая автономия имеет молодежное «крыло» или молодежную организацию, как, например, «Jugendblick» в немецкой НКА, или «Анён» у корейцев. Интересы студенческих этнических групп представляют также хакасское, тывинское и якутское землячества, объединенные вместе с НКА алтайцев и бурят в «Интер-Землячество». Наряду с НКА этнокультурную деятельность осуществляют два государственных учреждения: Российско-немецкий Дом и Областной центр татарской культуры и свыше 20 этнически ориентированных общественных организаций, причем не все из них зарегистрированы, даже активно действующие, как, например, НКА аварцев г. Томска.

Означает ли этот внушительный перечень общественных организаций, что этнокультурные запросы и потребности этнических сообществ, представляемых НКА и НКО, удовлетворяются в полной мере? Достаточно ли они обеспечены федеральным и региональным законодательством в нормативно-правовом отношении?

За прошедшие со времени выхода закона без малого 20 лет национально-культурные автономии Томска и области пережили серьезные трансформации, одни укрепили свои позиции, другие перестали существовать (НКА азербайджанцев, башкир, чувашей). Как правило, НКА создавались на основе НКО, но некоторые такой задачи перед собой не ставят – Союз армян, Центр украинской культуры. Одна из причин, возможно, заключается в том, что, как показывает сопоставление закона о НКА и законодательства об общественных объединениях и некоммерческих организациях, НКА обладают меньшим объемом прав, чем «простые» общественные объединения, а их учреждение и функционирование связаны с большим числом процедурных ограничений [17. С. 106–108]. К тому же положения закона, посвященные отношениям государства с НКА, сформулированы так, что на практике они ни к чему не обязывают. Закон об НКА во всех редакциях не содержит никаких упоминаний о гарантиях и средствах защиты прав, предоставляемых автономиям.

И на региональном уровне НКА с самого начала не получали предусматриваемой законом необходимой поддержки. В отличие от других регионов, в органах региональной и муниципальной власти не было самостоятельной структуры, которая была бы способна оказывать НКА реальную поддержку. Со временем ситуация только ухудшалась. В 1998 г. в областной администрации в структуре департамента по информационной политике был создан отдел по работе с общественными организациями, НКО и религиозными конфессиями, позднее преобразованный в комитет по работе с общественностью. Вместе с созданием отдела были заложены бюджетные средства на проведение совместных мероприятий, на информационную поддержку деятельности НКО. В эфире областного радио появились две программы «Рукопожатие» и «Здравствуйте, соседи!» С 2003 г. стал выходить журнал «Территория согласия». Но в 2006 г. функции, включающие в себя взаимодействие с национально-культурными и религиозными объединениями, были переданы в ведение департамента культуры, где был создан отдел современного искусства, образования и национальной политики. Сюда же были переданы и функции по работе с КМНС. Эта реорганизация в еще большей степени способствовала сосредоточению НКА на сугубо этнокультурной деятельности.

Ограничивая сферу действия НКА исключительно этнокультурной деятельностью, закон тем самым отказывает им в праве на занятие политической деятельностью (как, впрочем, и любой другой). Согласно поправке к закону «Об общественных объединениях», НКА «не может быть признано» политическим общественным объединением. В 2002 г. федеральным законом об избирательных правах был наложен прямой запрет на участие НКА в избирательном процессе [18]. Если для этнических активистов НКА – «это признание государством своей ответственности за положение

национальных меньшинств», то для государства, напротив, институт НКА «предоставляет возможность гибко толковать свои обязательства и риторически перемещать ответственность на «гражданское общество». В одних ситуациях государство говорит в связи с НКА о «представительстве» этнических групп и, следовательно, о необходимости их включения в процесс принятия решений», в других – акцент делается на «культурных функциях» [19. С. 53].

Все эти противоречия, заложенные в законодательство РФ, определяют, что деятельность НКА сводится преимущественно к празднично-обрядовой сфере. Между тем на практике НКА приходится решать множество других задач, не прописанных в законе, в частности задач, связанных с нелегальной и трудовой миграцией, взаимодействию с правоохранительными органами, органами труда и занятости, с зарубежными представительствами и структурами.

Таким образом, как и в других регионах России/Сибири, НКА и другие этнические организации, действующие в г. Томске, разделяются на две основные группы: созданные потомками «старых» мигрантов и представляющие «новые» этнические группы, вызванные распадом СССР. Эта типология отражает не только специфику процесса их формирования, но и различия в стратегии и практиках их деятельности. Если для первой группы приоритетны задачи этнокультурные, как это фиксируется в их уставах, то для «новых» мигрантов особенно важны задачи адаптации мигрантов к принимающему обществу [20. С. 356]. В Томской области эти задачи актуальны для НКА узбеков, таджиков, киргиз, армян и азербайджанцев, чеченцев, ингушей и аварцев.

Национально-культурная автономия как ресурс адаптации «новых» мигрантов. Возникновение «новых» этнических групп – результат массовой миграции из новых независимых государств Закавказья и Центральной Азии. Поток этот начал формироваться еще со времен СССР, когда в рамках единого государства часть избыточного населения из этих регионов мигрировала в область в поисках работы, хорошего и доступного образования. Увеличение в 1990-е гг. притока мигрантов из бывших советских республик, вызванного распадом СССР, сопровождалось институционализацией азербайджанской, армянской и чечено-ингушской общин, которые сыграли важную роль в адаптации мигрантов.

По словам руководителя НКЦ «Азери», «они (мигранты-азербайджанцы. – И.Н.) столкнулись с новым государством, им нужен был новый паспорт, новые документы, регистрация, жилье, все это отсутствовало. Никто уже никого ничем не обеспечивал, даже общежитий не было, если раньше они были совместно с заводами, то потом это все пропало. Приватизация, перепрофилирование и все прочее. Мы как могли эти вопросы решали, решали куда привезти, оформить документы, старались все делать правильно». С нача-

ла 2000-х гг. миграционный приток из Азербайджана, Армении и республик Северного Кавказа снизился в связи с начавшейся социально-экономической стабилизацией этих стран и регионов: *«Азербайджанцам нет необходимости ездить (куда-либо из Азербайджана. – И.Н.), это страна, которая имеет нефть, газ, другие ресурсы, у нас все есть. Сегодня азербайджанцы, может быть, от нечего делать приезжают, просто к родственникам приезжают, понравилось, остался, но так, как раньше, такого больше нет».* Мотивы миграции выходцев с Кавказа сегодня преимущественно связаны с желанием получить образование в Томске или воссоединиться с семьей.

В это же время возрос поток трудовых мигрантов из стран Средней Азии. Продолжается он и сейчас. Крайне низкий уровень жизни и отсутствие рабочих мест на родине стимулировали вахтовый тип трудовой миграции, при которой гастарбайтер работает в России большую часть года, а остальное время живет со своей семьей на родине. Руководитель таджикской НКА: *«Хотим того или нет, миграция будет. Если брат настоящее время, это связано с безвизовым режимом. (в России. – И.Н.) легко найти работу. Те виды работ, которые мало привлекают местное население. Эти работы, во-первых, непривлекательны, во-вторых, малооплачиваемы. На такую нишу приезжают мигранты. Конечно, они приезжают на сезонную работу – с марта по октябрь-ноябрь».* Сегодня в Томске сложились «мигрантские» секторы занятости – строительство и ремонт помещений, торговля фруктами. Руководитель узбекской НКА: *«Мигрант заполняет ниши, например, на стройке, которые не заняты никем, азербайджанцы любят торговлю, торговый бизнес у них, они на рынках работают в основном, изначально поставщиком фруктов были узбеки, сейчас перехватили другие национальности, узбеки ушли в строительство, и с ними нет конкуренции».* Таджики заняты в строительстве и отделке помещений.

Таким образом, выделяется несколько миграционных волн, влияющих на разный уровень адаптации и интеграции в принимающий социум. Эксперты отмечают, что те, кто приехали в Сибирь еще в советское время, прожили большую часть жизни здесь, связаны с местным населением профессиональными, товарищескими и родственными узами. Многие из таких мигрантов имеют русских жен и родственников, а их дети уже не знают национального языка и культуры и, по сути, являются такими же томичами, что и остальное население: *«Есть миграция новой волны – те, кто приехал несколько последних лет, может быть, десятилетий назад. Очень много людей, которые здесь жили с девяностых, восьмидесятых годах, то есть когда внутренняя миграция по экономическим причинам внутри страны очень сильно была развита. Приходите на Центральный рынок – увидите там большое количество азербайджанцев, которые торгуют грецкими орехами, и кавказцев, которые занимаются этим же».*

Сейчас это уже не мигранты. Это люди, которые, иногда даже не имея российского паспорта, воспринимаются своими. Есть их небольшие анклавы по городу, например район Центрального рынка преимущественно заселен этими людьми...» (эксперт В.К.).

Мигрантские этнические сообщества (диаспоры) можно представить как некие структуры, включающие несколько условных частей: старожилы общины, недавние мигранты, трудовые мигранты. Старожилы общины – те, кто прожил на данной территории длительное время (7–10 лет) и успешно адаптировался к внешним условиям общины. Старожилы представляют ядро общины (диаспоры), являются «основными производителями диаспорной идентичности». *Недавние мигранты* – члены общины, прибывшие недавно, имеют «четкие целевые установки на интеграцию в местное сообщество» и «активно перенимают диаспорную идентичность». Самая многочисленная группа – *трудовые мигранты*, приезжающие на сезонные заработки и, как правило, не имеющие целевых установок на интеграцию в местное сообщество [21. С. 105].

В процессе адаптации «новые» мигранты создают этнические сети и связи, включая формальные и неформальные организации и сообщества, оказывающие различного рода услуги, посреднические, консультационные и др. С их помощью мигрант может найти работу, жилье, решить проблемы с регистрацией и обретением легального статуса, войти в контакт с «нужными людьми», т.е. решить многие проблемы, связанные с удовлетворением таких «базовых» потребностей выживания в «чужом» обществе, как безопасность, информация, связи, инфраструктура проживания и деятельности» [6. С. 66]. Национально-культурные автономии и организации представляют видимую и признанную властью часть этой системы.

Лидеры мигрантских сообществ («этнические активисты»), как правило, – люди, живущие в Томске еще с советских времен, многие из них обладают признанным высоким статусом в регионе. *«Все, кто эти автономии возглавляет, как правило, уже давно являются гражданами России, и ядро, которое сформировано в них, например, если смотреть по тем же казахам, оно давно уже не казахское, оно здесь “русское”. Все, кто сколько-нибудь активен в рамках этой автономии, они себя уже давно больше ассоциируют с русскими, национальные корни они помнят, но правильно ли они их понимают, это большой вопрос»* (эксперт В.К.).

Опыт этнической самоорганизации этнические активисты прошли в студенчестве, участвуя в создании студенческих землячеств. *«Еще в студенчестве, (нас было около 10 человек в различных вузах Томска), – вспоминает руководитель НКА таджиков, – мы видели, [как] каждый год другие национальности проводили свои землячества раз в год весной или осенью. Они были более многочисленные, это в основном якуты, буряты, узбеки потом. И мы тоже задумались создать свое землячество, потом искали и нашли человек 40*

таджиков, разных категорий (на рынках работали, кто-то приехал жить). Получилось у нас общее собрание, обговорили идею, все ее поддержали, одному даже полномочия председателя дали. Основные инициаторы на тот момент были выпускниками, уже закончили вузы и уехали на родину. Это были 1989–1990 гг., а в 1991 г. распался Союз, может, это сказывалось, инициативы ни у кого уже не было. На большой срок все это забылось. С распадом Союза я находился в Таджикистане, работал на предприятии союзного значения; распад сказывался на этом предприятии, оно закрылось. Потом по приглашению моих однокурсников я вернулся в Томск. Те таджики, которые тут оставались, знали меня, решили привлечь меня на эту должность. До 2007 г. была одна группа таджиков, они хотели официально зарегистрировать автономию, но по каким-то соображениям, не знаю, они так и не смогли. Потом в 2007 г. мы в одном помещении собрались, и при всех они мне поручили возглавить автономию и довести до победного... В итоге в 2008 г. мы зарегистрировались».

Презентация и развитие национальной культуры указывается лидерами НКА и НКО в качестве важного направления их деятельности, которое реализуется, во-первых, за счет создания и поддержки самостоятельных коллективов (например, ансамбль горского танца «Даймохк», получивший в 2011 г. звание народного коллектива), во-вторых, организации и совместного проведения национальных праздников и дней культуры. Другой важной задачей является обучение родному языку, религии и национальной культуре детей. Руководитель армянской диаспоры: «У нас есть воскресная школа, где мы изучаем армянский язык, основы христианства, культуру армянскую». Решая эти задачи, НКА, в сущности, выполняют функцию символического воспроизводства этничности: «Празднуем вместе праздники, участвуем в национальных, культурных событиях, давая понять, что мы вроде бы живем на этой земле, и есть такое мультикультурное, мультинациональное общество, и все в нем хорошо, и противоречий никаких нет».

Однако наряду с решением задач этнокультурного развития в деятельности мигрантских НКА и НКО на первый план выходит выполнение **представительских и посреднических** функций – взаимодействие с властью, оказание мигрантам правовой и материальной поддержки, содействие их адаптации и интеграции в местное сообщество. Так, НКА киргизов занимается поддержкой мигрантов из Кыргызской Республики, считая также важной деятельность по укреплению взаимосвязей между областью и Киргизией. Стратегической целью автономии декларируется организация центра по поддержке мигрантов, включающего оказание юридических услуг и правовую защиту. Идея создания еще одного центра состоит в укреплении экономических и культурных связей между областью и Кыргызстаном. Члены НКА «Узбекистан» также основное

направление своей деятельности связывают с представлением и защитой интересов граждан Узбекистана. НКА таджиков реализует программу адаптации студентов-таджиков. При посредничестве автономии было достигнуто соглашение с Министерством образования Таджикистана о целевом направлении выпускников школ в томские вузы в рамках межправительственного соглашения [22]. Эти функции не предписаны законодательно и не входят в уставные задачи НКА.

Государство прибегает к услугам НКА как представителя диаспоры, поскольку нуждается в каналах связи с этническими сообществами. Основными «узлами» и «точками» в посредничестве НКА с органами власти являются миграционная ситуация, этнические конфликты, политическая стабильность и национальная политика. При этом и мигранты, и власть, и значительная часть общества руководствуются интуитивно-примордиалистскими представлениями на этот счет.

Руководители НКА воспринимаются властью не как люди, добровольно возложившие на себя бремя общественной деятельности и в этом смысле обязанные только членам своей общественной организации. От них ожидают обязательного выполнения властных распоряжений, не наделяя при этом необходимыми правами, полномочиями и ресурсами. Вопреки своему общественному статусу НКА выполняют, с одной стороны, функции транслятора идеологии и политических решений в этнокультурные сообщества, с другой – роль информатора о происходящих в национальных/мигрантских сообществах событиях. С этой целью проводятся различные мероприятия – научно-практические конференции, круглые столы, создаются консультативные, координационные и общественные советы³, куда в обязательном порядке вводятся представители «диаспор» НКА и НКО. Практикуются встречи руководителей органов власти с лидерами национально-культурных организаций, чаще всего во время событий, получивших общественный резонанс, или в ситуациях, когда необходимо донести до этнически ориентированных сообществ какие-либо важные решения, принятые на государственном или региональном уровне.

В Томске координационный совет по делам НКА/НКО в администрации области был создан в 1998 г. В его функции входило рассмотрение вопросов, связанных с созданием условий для национально-культурного развития граждан, координация деятельности органов государственной власти и общественных объединений по вопросам развития НКО и реализация положений закона «О национально-культурной автономии». С самого начала его деятельность не носила регулярного характера, активизируясь только во время избирательных кампаний, а с течением времени и вовсе прекратилась. Сменивший его в 2009 г. Консультативный совет по делам НКА и вовсе оказался мертворожденным. Не внесло оживления в деятельность НКА и принятие Государственной думой области в конце

2008 г. Закона «О государственной поддержке региональных и местных национально-культурных автономий в Томской области» [23]. И только события на Манежной площади в Москве в декабре 2010 г. активизировали деятельность региональных органов власти по налаживанию взаимодействия с НКА. Взамен Консультативного совета был создан Координационный совет по межнациональным отношениям. На его первом заседании был обсужден и в целом одобрен план первоочередных мер по укреплению межнационального согласия и доверия на территории, включающий разработку концепции национальной политики и долгосрочной целевой областной программы на 2012–2014 гг. Но со сменой губернатора в марте 2012 г. эти планы были отправлены в корзину. Новой власти потребовалось около двух лет, чтобы вернуться к этим вопросам.

Нуждаются в посредниках и сами мигранты, как «недавние, так и «трудовые», сталкивающиеся с множеством трудностей и проблем, которые возникают прежде всего в правовом поле и связаны с легализацией их пребывания и трудоустройства, получением социальной и медицинской помощи. Проблемы эти, по мнению экспертов, носят системный характер и силами только общественных организаций не могут быть решены. Главная проблема – несовершенство миграционного законодательства. Потребность мигрантского сообщества в социальном посреднике при решении этих проблем и породила функцию представительства и защиты национально-культурными организациями интересов мигрантов в «чужом» обществе.

Приоритетной задачей для мигрантских НКА является экономическая поддержка приехавших на заработки мигрантов. Типичное мнение представлено в высказывании руководителя киргизской автономии: *«В настоящий момент приоритетным является поддержка мигрантов. Самая главная проблема не культурная, не социальная и никакая другая, а именно экономическая. То есть экономическая в плане именно поддержки трудовых мигрантов, хотя киргизам в этом смысле повезло, потому что они приезжают, получают гражданство»*. Экономическая поддержка реализуется в первую очередь через оказание помощи в трудоустройстве вновь прибывающих мигрантов, хотя правилом является поиск работы через родственников и знакомых. Чаще всего помощь выражается в разрешении конфликтных ситуаций, возникающих между трудовыми мигрантами и работодателями. Руководитель таджикской автономии: *«Они где-то работали, зарплату им не выплатили или не полностью выплатили, тогда письмом, начиная от правоохранительных органов до губернатора, затаскаем работодателя. Конечно, если у мигранта заключен трудовой договор, в противном случае более проблематично. При решении вопроса любого характера статус юридического лица выше физического. Исходя из этого, НКА – пробивная организация, и на все свои письма либо требования получает ответ. В прошлом году рассматривали*

два таких случая. Первый решен положительно, а второй еще продолжается» [24]. Экономическая поддержка выражается и в том, что вновь прибывшим мигрантам помогают решать проблему с жильем, предоставляя общежития, технические и подсобные помещения в качестве первоначального места жительства. Нередко общинам приходится оказывать помощь родственникам тех мигрантов, которые умерли в Томске. Удалось, в частности, добиться, что правительство Кыргызской Республики компенсировало часть расходов по доставке тел умерших на родину [25. С. 31].

Эксперты указывают также на необходимость большей прозрачности юридических и экономических процедур в отношении мигрантов и создание условий, способствующих их хозяйственной адаптации и выводу «из тени». Представитель киргизской автономии: *«Я бы предложил использовать экономический потенциал мигрантов. Взять, например, сельское хозяйство, которое в данный момент находится не на совсем должном уровне, то есть мигранты могли его поднимать. Тем более что... приезжие из Средней Азии все обладают навыками ведения сельского хозяйства... Например, взять умирающую деревню, заселить туда киргизов, чтобы они занялись животноводством, то есть той специализацией, с которой они хорошо знакомы, животноводством, например. А узбеки могли бы заняться земледелием...»*.

Правовая поддержка и обеспечение безопасности подразумевает оказание помощи трудовым мигрантам при регистрации и оформлении разрешений на работу. Сложность для вновь прибывшего представляют и регистрация, которую необходимо осуществить в первые три дня по приезду в Россию, и съем жилья. Хозяева сдают квартиры мигрантам, как правило, не регистрируя приезжих в ФМС. Ситуацию осложняет наличие посредников, которые берут деньги, обещая решить проблемы с регистрацией, трудоустройством и поиском жилья, но зачастую мигранты попадают на удочку мошенников. По словам представителя НКЦ «Азери», нередко приходится включаться и в урегулирование межэтнических конфликтов: *«Конфликты есть, они всегда были и будут, вопрос только, как к этому относиться, и какие оценки давать этому конфликту, если его раздувать и распылять, то это один подход, которого мы не придерживаемся, и всякие конфликты, которые даже приводят к смертельным случаям, мы их стараемся решать мирным путем»*.

Руководители мигрантских НКА видят свою задачу также в профилактике противоправных действий и преступлений как со стороны самих мигрантов, так и по отношению к ним. Чаще всего инструментом поддержания порядка выступает неформальное воздействие (беседа) со стороны авторитетных членов диаспоры. Руководители армянской и азербайджанской общин подчеркивают необходимость сотрудничества с властью в процессе решения задачи поддержания порядка. Руководитель «Союза армян»: *«Я всегда говорю,*

что многие не понимают... или вот только сейчас начали понимать, что руководители диаспор – это, в первую очередь, помощники властям. Вот в Москве то, что случилось (беспорядки на Манежной площади в декабре 2010 г. – И.Н.). ...Они только сейчас поняли, что надо ближе работать с диаспорой».

В отношении социокультурной адаптации основной проблемой является владение русским языком, которую НКА пытаются решать своими силами, организуя воскресные курсы. Такие курсы были организованы по инициативе узбекской НКА в декабре 2010 г. Их вел бывший преподаватель английского языка в Омском госуниверситете, переехавший в Томск летом 2010 г. после межэтнического конфликта на юге Киргизии [26, 27]. Другая проблема – дети мигрантов. Руководитель узбекской НКА: «*Наших детей брали в учебные заведения только по месту прописки, несмотря на то что родители снимали квартиры в других районах города... Другая, еще более острая проблема в том, что сегодняшние мигранты не могут двух слов связать по-русски. И подростки, которые были вполне успевающими учениками у себя на родине, вынуждены сидеть с малышами 3–4-х классов. Заниматься с ровесниками невозможно – нет языка... И вместо нормальных уроков – дискомфорт, насмешки, скука, нежелание посещать школу в принципе. Да и учителя им не рады – не укладываются в общие стандарты требований. Как учить? В итоге детей мигрантов «перепихивают» из школы в школу, лишь бы не брать на себя головную боль. А ничем не занятые подростки потенциально готовы уйти на улицу... И это уже будет проблема не только ребенка, но общества».*

Эксперты по-разному оценивают роль НКА в общественном пространстве города и в адаптации и интеграции мигрантов. Одни оценивают ее достаточно высоко: «*Роль НКА в адаптации мигрантов, разумеется, очень высокая, потому что это непосредственно люди той же национальности... Трудовые мигранты, когда сюда приезжают, к представителям своей национальности у них гораздо больше доверия, они прислушиваются, кроме того, представители НКА уже адаптированы здесь и многие являются гражданами страны (РФ) и региона не в первом поколении даже, и они выступают таким своеобразным мостом, который связывает вновь прибывших трудовых мигрантов с местным населением, способствует вовлечению и эффективной интеграции».* (эксперт Е.П.). Другие считают ее недостаточно эффективной: «*...Оценить деятельность НКА по интеграции мигрантов очень сложно. Она, вроде бы, как и есть, но она такая, малоэффективная... Административно они эту задачу выполняют, но сущностно... они, по-моему, не выполняют, не справляются с ней»* (эксперт В.К.).

Причина, по всей видимости, кроется в неопределенности, «размытости» функций НКА. Мало что изменилось с принятием в декабре 2012 г. Стратегии

государственной национальной политики РФ, которая акцентировала внимание на проблемах адаптации мигрантов. Планом мероприятий по реализации Стратегии предусматривается оказание финансовой поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям, включая национально-культурные автономии, религиозные организации, молодежные объединения, реализующим проекты и программы, направленные на интеграцию и адаптацию мигрантов [28]. Тем самым признается роль НКА как института, с помощью которого органы власти и правоохранительные структуры надеются урегулировать процессы социокультурной адаптации мигрантов. Но это не означает придания институту НКА реальных полномочий, дающих право выступать от имени мигрантов, защищая их интересы. На неопределенность положения НКА указывает и тот факт, что в окончательную редакцию Стратегии не вошло положение, фиксировавшее НКА и федеративное устройство государства «как две формы укрепления общего культурного, образовательного, информационного пространства, организации управления и политики интеграции, сохранения многообразия и единства страны» [29]. НКА по-прежнему остается общественной организацией, «компонентом публичного говорения об этничности, т.е. символического воспроизводства многоэтничности» [19. С. 53].

«Новые» этнические группы (диаспоры) сегодня являются значимым объектом и субъектом не только экономической деятельности, но и становятся активными участниками социальных, культурных и политических процессов. НКА, как диаспоральный институт, становится реальным инструментом интеграции «новых» мигрантов в местный социум, который имеет, как можно предположить, долговременную перспективу. Можно согласиться с мнением исследователей, которые считают, что сложившийся сегодня взгляд на НКА как на элемент декора, украшающего образ мультикультурного и толерантного общества и/или как на способ удовлетворения эстетических потребностей или властных амбиций узкого социального слоя, мешает воспринимать их в ином качестве, как важный элемент гражданского общества с функцией посредничества между мигрантами и принимающим обществом [30. С. 212]. «Спрос» на НКА проявляется и со стороны государства, нуждающегося в механизмах управления миграционными процессами и межэтническими отношениями, и со стороны «этнических активистов/предпринимателей», требующих символического признания «новых» этнических групп. Однако потенциал этого института, как ресурса адаптации и интеграции «недавних» и трудовых мигрантов, не имеет соответствующей правовой базы и поэтому слабо используются как властью, так и мигрантскими этническими сообществами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Несмотря на то что примордиализм сравнивался таким известным исследователем национализма, как Р. Брубейкер, с «на смерть забитой лошади, которую не нужно хлестать, поскольку она давно умерла», в России примордиалистские взгляды на этничность будут, очевидно, преобладать до тех пор, пока не изменится институциональная среда ее производства [31].
- ² Назовем лишь основополагающие документы: Федеральный закон «О национально-культурной автономии» (1996 г.) со всеми внесенными в него поправками (2003 и 2009 гг.), «Концепция государственной национальной политики» (1996 г.), «Концепция государственной миграционной политики до 2025 года» (2012 г.) и «Стратегия государственной национальной политики до 2025 года» (2012 г.).
- ³ Представители всех мигрантских НКА входят в Общественный совет при УФМС, полагая, что задачи у них одни – полная легализация мигрантов и обеспечение их прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. 408 с.
2. Осипов А.Г. Механизмы институционализации этничности // Сообщества как политический феномен. М. : РОССПЭН, 2009. С. 202–221.
3. Дятлов В.И. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. Москва ; Иркутск : Наталис, 2005. С. 95–137.
4. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Иркутск : Оттиск, 2013. 624 с.
5. Малахов В. Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах: случай России и Германии. URL: http://cistr.ru/files/publ/Migr_Malahov.pdf.
6. Дятлов В.И. Мигранты и принимающее общество: стратегии и практики адаптации (на примере Иркутска). URL: http://www.buk.irk.ru/exp_seminar/3/3_dyatlov.pdf.
7. Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской республики и постсоветской России) // Диаспоры. 2000. № 3. С. 6–32.
8. Дятлов В.И. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. 2004. № 3. С. 126–138.
9. Тишков В.А. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры. 2003. № 2. С. 160–183.
10. Полоскова Т.В. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. М. : Научная книга, 2002. 284 с.
11. Попков В. Классические диаспоры: к вопросу о дефиниции // Диаспоры. 2002. № 1. С. 6–22.
12. Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 77–78.
13. Дятлов В.И. Адаптация мигрантов к современному российскому обществу: стратегии диаспорализации. URL: http://migrocenter.ru/publ/konfer/ekaterinburg/m_ekaterinburg03.php.
14. Статус малочисленных народов России: правовые акты и документы. М. : Юрид. лит., 1994. 488 с.
15. Нам И.В. Создание азербайджанской НКА // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 1997. № 5 (16). С. 50–51.
16. Нам И.В. К осуществлению закона РФ «О национально-культурной автономии» // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 1998. № 19. С. 47–50.
17. Осипов А.Г. Автономия, меньшинства и мультикультурализм: в чем смысл «управления многообразием»? // Мир России. 2008. № 1. С. 106–108.
18. Степанов В.В. Национально-культурная автономия в России как идея и как правовая норма // Правовые аспекты этнических отношений. М. : Деловая столица, 2004. С. 91–117.
19. Осипов А.Г. Является ли национально-культурная автономия в России инструментом защиты меньшинств? // Вестник Института Кеннана. 2006. С. 46–53.
20. Калугина Г. Национально-культурные общества: посреднические и коммуникационные функции в городском сообществе (на примере Иркутска) // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск : Оттиск, 2012. С. 353–368.
21. Мокин К.С. Адаптация мигрантов: варианты стратегий // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции. М., 2009. С. 99–116.
22. Карта институтов гражданского общества Томской области. URL: <http://storage.esp.tomsk.gov.ru/files/12482/card.pdf>.
23. Закон Томской области «О государственной поддержке региональных и местных национально-культурных автономий в Томской области» // Территория согласия. Томск. 2008. № 3. С. 50–51.
24. Умарзода Ф. В Томске скинхедов нет? URL: <http://news.tj/ru/newspaper/article/v-tomske-skinhedov-net>.
25. Ефанова Ю. Две родины киргизов // Территория согласия. 2008. № 3 (17). С. 31.
26. Как разрешить педагогические и социальные проблемы мигрантов? URL: <http://tnews.tomsk.ru/stats/20/41687>.
27. Трудности перевода. URL: <http://www.podst.ru/posts/6172>.
28. План мероприятий по реализации в 2013–2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://government.ru/media/files/41d47a99d97a4ea0ebf3.pdf>.
29. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512>.
30. Варнавский П. Феноменология социокультурной адаптации (на примере мигрантов из Центральной Азии и Забайкалья) // Диаспоры. 2011. № 1. С. 184–217.
31. Соколовский С.В. Институты и практики производства и воспроизводства этничности. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/analit02.php>.

Nam Iraida V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: namirina@bk.ru

“NEW” ETHNIC GROUPS (DIASPORA) OF TOMSK.

Keywords: migrants; ethnic dispersions; ethnicity institutionalization; ethnic identity; national and cultural autonomy.

The article analyzes «new» ethnic groups of Tomsk that emerged as a result of modern migration processes. The choice of Tomsk by migrants is due to the fact that it is a historically cosmopolitan Siberian city and a regional center where the migrants from Central Asia, the Caucasus and China arrive, and where the labor of migrant workers («guest workers») is widely used these days. Moreover, as an academic city Tomsk annually welcomes a large number of non-resident and foreign students. The article is based on the research carried out in 2011–2014 with the purpose of exploring the issues connected with the adaptation of new migrants to the local society. Quantitative and qualitative methods were implemented such as focus-groups and expert interviews with the representatives of the national and cultural organizations and government agencies. Social and cultural processes taking place in the environment of new ethnic dispersions of Tomsk, mechanisms and means of sociocultural adaptation, group identity formation and institutionalization may be considered as models for modern Siberian city. One of the strategies employed by migrants to build relationships with the host society and create mutual economic and sociocultural adaptation is diasporization. «Diasporization is the formation of com-

munities with developed and effectively functioning economic and social networks, mechanisms of mutual support and cooperation» (V.I. Dyatlov). New communities and organizations formed by migrants, both formal and informal, are aimed at satisfying their basic needs in a host society such as safety, information, connections, infrastructure to facilitate living and working. National and cultural autonomies, communities, centers and associations are officially approved as a part of the system by the government and society. Despite the fact that according to the legislation of Russian Federation their main goal is to preserve and develop national culture, language, customs and traditions, they are in fact primarily concerned with the accomplishment of the representative and mediatory functions not included in the statutory objectives, such cooperation with the authorities and foreign representatives and structures, provision of legal and financial support for migrants and assistance in their adaptation and integration into local society. National and cultural autonomy as an ethnic dispersion institute is currently becoming an efficient means of adaptation and integration into local society. As experience has proved that this means has long-term prospects.

REFERENCES

1. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Moscow: HSE.
2. Osipov, A.G. (2009) Mekhanizmy institutsionalizatsii etnichnosti [The mechanisms of the institutionalization of ethnicity]. In: Panov, P.V., Sulimov, K.A. & Fadeeva, L.A. *Soobshchestva kak politicheskiy fenomen* [Community as a political phenomenon]. Moscow: ROSSPEN. pp. 202-221.
3. Dyatlov, V.I. (2005) *Baykal'skaya Sibir': iz chego skladyvaetsya stabil'nost'* [The Baikal Siberia: what constitutes stability]. Moscow; Irkutsk: Natalis. pp. 95-137.
4. Dyatlov, V.I. & Grigorichev, K.V. (eds) (2013) *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Resettlement Society of Asian Russia: migration, space, community]. Irkutsk: Ottisk.
5. Malakhov, V. *Etnizatsiya fenomena migratsii v publichnom diskurse i institutakh: sluchay Rossii i Germanii* [The ethnization phenomenon of migration in public discourse and institutions: Russia and Germany]. [Online] Available from: http://cisr.ru/files/publ/Migr_Malahov.pdf.
6. Dyatlov, V.I. (n.d.) *Migranty i primimayushchee obshchestvo: strategii i praktiki adaptatsii (na primere Irkutsk)* [Migrants and host societies: adaptation strategies and practices (as exemplified by Irkutsk)]. [Online] Available from: http://www.buk.irk.ru/exp_seminar/3/3_dyatlov.pdf.
7. Brubaker, R. (2000) "Diaspora kataklizma" v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope i ikh otnosheniya s rodinami (na primere Veymarskoy respubliki i postsovetskoy Rossii) [The "Diaspora of cataclysm" in Central and Eastern Europe and their relationship with their homeland (as exemplified by the Weimar Republic and Post-Soviet Russia)]. *Diaspora*. 3. pp. 6-32.
8. Dyatlov, V.I. (2004) Diaspora: ekspansiya termina v obshchestvennyuyu praktiku sovremennoy Rossii [Diaspora: the expansion of the term in the social practice of modern Russia]. *Diaspora*. 3. pp. 126-138.
9. Tishkov, V.A. (2003) Uvlechenie diasporoy (o politicheskikh smyslakh diasporalnogo diskursa) [The passion for diaspora (about the political meaning of the diaspora discourse)]. *Diaspora*. 2. pp. 160-184.
10. Poloskova, T.V. (2002) *Sovremennye diaspori. Vnutripoliticheskie i mezhdunarodnye aspekty* [Modern Diaspora. Internal political and international aspects]. Moscow: Nauchnaya kniga.
11. Popkov, V. (2002) Klassicheskie diaspori; k voprosu o definitsii [The classic diaspora: to the question of definition]. *Diaspora*. 1. pp. 6-22.
12. Arutyunov, S.A. (2000) Diaspora is a process. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 2. pp. 77-78. (In Russian).
13. Dyatlov, V.I. (n.d.) *Adaptatsiya migrantov k sovremennomu rossiyskomu obshchestvu: strategii diasporalizatsii* [Adaptation of migrants to the modern Russian society: strategy diasporalization]. [Online] Available from: http://migrocenter.ru/publ/konfer/ekaterinburg/m_ekaterinburg03.php.
14. Kryazhkov, Yu.A. (1994) *Status malochislennykh narodov Rossii: pravovye akty i dokumenty* [The status of indigenous peoples of Russia: legal acts and documents]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
15. Nam, I.V. (1997) Sozdanie azerbydzhanskoy NKA [On formation of the Azeri NCA]. *Bulleten' Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov*. 5(16). pp. 50-51.
16. Nam, I.V. (1998) K osushchestvleniyu zakona RF "O natsional'no-kul'turnoy avtonomii" [The implementation of the RF Law "On ethno-cultural autonomy"]. *Byulleten' Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov*. 19. pp. 47-50.
17. Osipov, A.G. (2008) Avtonomiya, men'shinstva i mul'tikulturalizm: v chem smysl "upravleniya mnogoobraziem"? [Autonomy, minorities and multiculturalism: what is the meaning of "diversity management"?]. *Mir Rossii*. 1. pp. 106-108.
18. Stepanov, V.V. (2004) Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya v Rossii kak ideya i kak pravovaya norma [The national-cultural autonomy in Russia as an idea and as a legal norm]. In: Voronina, N.A. & Galdia, M. (eds) *Pravovye aspekty etnicheskikh otnosheniy* [Legal aspects of ethnic relations]. Moscow: Delovaya stolitsa. pp. 91-117.
19. Osipov, A.G. (2006) Yavlyatsya li natsional'no-kul'turnaya avtonomiya v Rossii instrumentom zashchity men'shinstv? [Is the national and cultural autonomy in Russia an instrument for the protection of minorities?]. *Vestnik Instituta Kennana*. pp. 46-53.
20. Kalugina, G. (2012) Natsional'no-kul'turnye obshchestva: posrednicheskie i kommunikatsionnye funktsii v gorodskom soobshchestve (na primere Irkutsk) [National-cultural societies: mediation and communication function in the urban community (exemplified by Irkutsk)]. In: Dyatlov, V.I. (ed.) *Mestnye soobshchestva, mestnaya vlast' i migranty v Sibiri na rubezhakh XIX–XX i XX–XXI vekov* [Local communities, local authorities and migrants in Siberia in the 19th-20th and 20th-21st centuries]. Irkutsk: Ottisk. pp. 353-368.
21. Mokin, K.S. (2009) Adaptatsiya migrantov: varianty strategiy [Adaptation of migrants: policy options]. In: Tishkov, V.A. & Stepanov, V.V. (eds) *Novye etnicheskie gruppy v Rossii. Puti grazhdanskoy integratsii* [New ethnic groups in Russia. Ways to civil integration]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS. pp. 99-116.
22. The Public Chamber of Tomsk Region. (2011) *Karta institutov grazhdanskogo obshchestva Tomskoy oblasti* [The map of the civil society institutions of Tomsk region]. [Online] Available from: <http://storage.esp.tomsk.gov.ru/files/12482/card.pdf>.
23. Umarzoda, F. (2012) *V Tomsk skinkhedov net?* [There are no skinheads in Tomsk, aren't there?]. [Online] Available from: <http://news.tj/ru/newspaper/article/v-tomske-skinkhedov-net>.
24. Efanova, Yu. (2008) Dve rodiny kirgizov [Two homeland for Kyrgyz people]. *Territoriya soglasiya*. 3(17). p. 31.
25. Ru TLD. (n.d.) *Kak razreshit' pedagogicheskie i sotsial'nye problemy migrantov?* [How to solve the educational and social problems of migrants?]. [Online] Available from: <http://tnews.tomsk.ru/stats/20/41687>.
26. Anon. (n.d.) *Trudnosti perevoda* [Lost in Translation]. [Online] Available from: <http://www.podst.ru/posts/6172>.
27. The Government of the Russian Federation. (2013) *Plan meropriyatii po realizatsii v 2013–2015 godakh Strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda* [The plan for implementation in 2013–2015 of the RF State National Policy up to 2025]. [Online] Available from: <http://government.ru/media/files/41d47a99d97a4ea0ebf3.pdf>.
28. The RF President Administration. (2012) *Strategiya gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 g.* [Strategy of the state national policy of the Russian Federation up to 2025]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512>.
29. Varnavskiy, P. (2011) Fenomenologiya sotsiokul'turnoy adaptatsii (na primere migrantov iz Tsentral'noy Azii v Zabaykal'e) [Phenomenology of socio-cultural adaptation (as exemplified by migrants from Central Asia in the Trans-Baikal)]. *Diaspora*. 1. pp. 184-217.
30. Sokolovskiy, S.V. (2008) *Instituty i praktiki proizvodstva i vosproizvodstva etnichnosti* [Institutions and practices of production and reproduction of ethnicity]. [Online] Available from: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/analit02.php>.
31. *Territoriya soglasiya* [The territory of the agreement]. (2008) 3. pp. 50-51.